

Sergei Kuznetsov

December 1, 1994

Е.Д.: Давай, в отличие от прошлого раза, пойдем в обратном порядке, начиная с сегодняшнего дня. В Америке ты уж не первый раз?

С.К.: Да. Можно даже сосчитать, это пятый раз. Почти два года общей продолжительности пребывания,

Е.Д.: что грозит финансовыми...

С.К.: Да - что грозит большими финансовыми потерями, ну посмотрим может они окажутся не очень большими (первые два года по визе J1 не нужно было платить налогов).

С.К.: Первый раз в Америке, конечно, было что-то абсолютно ни на что не похожее.

Е.Д.: Между прочим, я пытался организовать, чтобы тебя пригласили во Францию. Это была конференция в честь Поля Леви, 86 или 87 год. И ты, такой-сякой, просто не ответил.

С.К.: История была приблизительно такая, Ширяев привез мне это приглашение.

Я это приглашение принес в институт, показал начальнику, а начальник развел руками и сказал, что, мол, ничего не выйдет.

Е.Д.: Начальник - это кто?

С.К.: Непосредственный начальник - это Айвазян. А еще существовал иностранный отдел.

Е.Д.: Но, как говорится, кто не ищет, тот никогда ничего не найдет. Почему бы было не попробовать?

С.К.: Понятно. Но видно было по его “ничего не выйдет”, что ему это сейчас не нравится..

Е.Д.: Это я могу понять, чего я не могу понять, почему было не ответить хоть как ни будь. Скажем, у меня дочка больная, поэтому я не могу приехать. Они тебе даже деньги нашли. А никакого ответа не было.

С.К.: Да, ответить надо было. А начальник меня в этот момент очень не любил, потому что считал, что я не тем занимаюсь.

Е.Д.: Чем же ты занимался и чем не занимался?

С.К.: Я не занимался приложениями, во всяком случае так, как он этого бы хотел и видел. Я работал не на него, а, скажем так, на себя или вообще непонятно на кого.

В общем, у него были свои причины, а больше всего ему не нравилось то, что другой человек, к которому он благоволил, был чего-то там лишен.

Е.Д.: То есть, его не приглашали.

С.К.: Да, его не приглашали, а когда Айвазян устроил конференцию во Франции, и вписал туда разных сотрудников, в том числе его и меня, то список сократили в какой-то там инстанции, выкинув последнего из списка. Этот человек был кандидат, а я в этот момент уже защитил докторскую. И черту провели перед его фамилией. После этого я четыре года никуда не показывал своего носа.

Е.Д.: Да, а потом, ты помнишь, как твой первый выезд состоялся. Это опять же, по- моему, инициатива была моя.

С.К.: Да, формальное приглашение было из Сан Диего.

Е.Д.: Ну, не формальное, деньги дали они.

С.К.: Помню, а как же. На сей раз начальник меня опять полюбил и даже помогал.

Я все документы оформил, приходит время покупать билет, я иду выяснять, на какое число надо брать билет. Надо брать на какое-то там 8 или 9 июня, а мне говорят, что виза запрошена только на 15-е число. Может быть придет, а может быть и нет. Я иду выяснять насчет билетов, а мне говорят, что поздно уже, там очередь, черт-те на сколько, ну стойте мол, может чего получится. Виза таки пришла, я помчался за билетами, это была суббота, те кассы, которые работают, все народом забиты очень основательно. Билет надо было

заказывать в кассе Академии Наук, а выкупать его надо было в настоящей кассе. Там надо было показывать не только бумажки, но еще платить какие-то наличные деньги (небольшие). И вот я прихожу в конце концов в эту кассу, а там толпа штурмует дверь, в четыре ряда люди, мимо которых, наверное, можно только с пистолетом или с ножом как-то пропихаться. А не войдешь внутрь, касса закрывается, а завтра лететь. Я к стеклу приложил бумажку, милиционер изнутри прочел мою бронь, то что у меня на следующий день билет, и не то чтобы он меня впустил, он меня через эту толпу протасил, руку высунул, пропихавшись немножко, меня схватил за шиворот и туда втянул. Так я после этого и улетел.

Е.Д.: Веселая жизнь была, ничего не скажешь, разве можно сравнить с тем, что сейчас. Сплошная скука. Ну что, ну сдал экзамен на водительские права, но разве это те переживания.

С.К.: Да, переживания тогда еще были. Я первый раз летел через океан, летел на Боинге, это была некая случайность, я конечно должен был лететь не на Боинге.

Е.Д.: Аэрофлотом.

С.К.: Да, это был совмещенный рейс Аэрофлота и ПанАм, которая тогда существовала. Я прилетел в Нью Йорк. Была договоренность, что меня человек должен встретить. Мне нужно было лететь дальше.

Е.Д.: Я в это время был за границей.

С.К.: Да, вы были за границей, а я, естественно, почти ничего не понимал. То есть, я язык, конечно, считал, что знаю. И главное, что мне надо было лететь в Сан Диего спустя почти что сутки (21 час или около того). А человек, который должен был меня встретить, (это знакомый Миши Таксара), опоздал примерно часа на два – два с половиной, может на три. Я вышел из таможни. Там все стоят, все встречают, я смотрю, меня никто не встречает. Я хожу там взад вперед, никого нет, но с этого места никуда не уйду. И в какой-то момент, там еще набилось много народа, у меня было смутное ощущение, что я слышу объявление по радио со своей фамилией. Это таки оно конечно и было. Я не понял ничего. Правда, учтите, я сидел девять часов в самолете, восемь часов разницы между Москвой и Нью Йорком, да еще по несчастной случайности я попал в салон для курящих. У меня голова была, ну я не знаю какая. Я не понял просто ни слова. Уж тем более я не знал, где наводить

справки. Поразмыслив и подумав, я решил что больше мне ждать нечего. А у меня еще и денег не было. У меня было 37 центов и 200 франков, которые я нелегально (скрыв от советской таможни) провез в кармане. Они у меня остались от какой-то поездки перед этим. Я плюнул на все, ушел с этого места, поменял свои 200 франков, превратив их в 26 долларов или около того, по какому-то совершенно грабительскому курсу. По крайней мере, я на эти деньги мог поесть. Переночевать я, конечно, не мог нигде. Я позвонил этому человеку, его не было дома. Его сын мне сказал: чего вы собственно звоните, идите в гостиницу.

Е.Д.: Там по моему Ирина Генриховна в поиске участие принимала по телефону.

С.К.: По телефону, может, и принимала участие, но я сидел в этом терминале и ничего не знал. Я даже не знал тогда, что можно дать номер телефона, около которого я стою, и туда позвонить можно. Я понятия не имел, для меня это был обычный телефон-автомат. Ну как туда позвонишь? Я пошел на терминал TWA, откуда мне дальше надо было лететь, забрал свой билет, и спокойно там сидел на кресле всю ночь. Был потрясен совершенно, первые впечатления, может быть и странные, от американских туалетов, где можно было все, только что не душ принимать. Что было очень существенно, хотя бы умыться и побриться надо же. А дальше прилетел в Сан Диего, там меня уже встретили.

Е.Д.: Ну какие первые впечатления от Сан Диего припомнятся. Тебя кто, Гетур встречал?

С.К.: Меня встречал Шарп тогда, и вообще Шарп мной немножко больше занимался. Очень своеобразные, противоречивые впечатления. Конечно, яркое впечатление -эта жизнь на берегу океана, в мотеле Ла Хойа Коув, это было замечательно.

Е.Д.: Ты там недели две был?

С.К.: Я был там по-моему три недели. Первую неделю я помню плохо, потому что с Москвой у Сан Диего 11 часов разницы. А 11 это уже не восемь. Тем более что для меня это вообще был первый опыт такого вот сдвига во времени, чтобы все наоборот, кверху дном. Я постепенно пришел в себя,

дальше, все посмотрел там, что мне показали, водили меня по самым разным ресторанам, от мексиканских до перуанских,

Е.Д.: Ну рестораны да, а как другие достопримечательности? Там же есть Sea World, Animal Park замечательный.

С.К.: В зоопарке я был, и зоопарк на меня произвел впечатление. Одно особенно почему-то мне понравилось. Рядом с вольером с тиграми, это даже не вольер, как было бы в Москве, а тигры отгорожены стеклом. У них там, очевидно, какая-то зона, из которой они не могут выскочить. Смотришь через это стекло и слышишь, как за спиной непрерывно рычат тигры. Оборачиваешься, в чем дело. Оказывается, там автомат. То есть просто три кнопки, на которые можно нажать, чем дети непрерывно занимаются, и ты услышишь либо сердитый рык, либо довольный рык, либо еще какой то продолжительный.

Е.Д.: А потом ты приехал сюда.

С.К.: Да. Вас к этому моменту я не видел тринадцать лет, и вы не помолодели за это время,

Е.Д.: как впрочем и ты тоже. Поместили тебя на чердак?

С.К.: Да да. В этом доме на чердаке,

Е.Д.: Это тогда ты мне что-то такое красил или вставлял?

С.К.: Именно тогда. Я вам чинил сетку на веранде.

Е.Д.: Да, и есть фотографии. Ты на них юный сравнительно.

С.К.: Это 89 год

Е.Д.: Ну тогда мы еще с тобой особенно не занимались

С.К.: Была всего неделя, на самом деле за неделю трудно начать что-то.

Е.Д.: Я тебя просто возил, развлекал,

С.К.: Посмотрел я Триман (верхний и нижний), и Таганок, и еще чего-то видел. Это было здорово.

Е.Д.: А потом второй раз ты сюда приехал.

С.К.: Второй раз в Америке я оказался в Чикаго. Это было в 90-м году - три недели, но это было программирование и работа, связанная с программированием, очень противная, и очень мерзкая. Это было, с одной стороны, то что называется выжиманием соков, а с другой стороны, это еще было совершенно бессмысленно, как я сейчас понимаю, Тогда у меня было ощущение, что все делается не так как надо, сейчас я, пожалуй, считаю, что и нельзя было сделать так, как надо. В принципе ничего никак не могло получиться. Тогда у меня было немножко другое ощущение, что может быть это все хорошо и замечательно, но вот просто начальство все губит. Начальство свой вклад внесло, но даже если бы оно его не внесло, все равно. Хотя мы с вами перезванивались в это время, а потом я получил от вас приглашение сюда на три месяца. 92-ой год.

Е.Д.: Ну да - это из нашего гранта.

С.К.: Начальник в этот момент меня так, недолюбливал, но ценил. И он от себя сделал все, чтобы это состоялось.

Е.Д.: Ну а сейчас наверное он вообще.

С.К.: Да, сейчас меня опять не любит.

Е.Д.: Неважно, сейчас от него, наверное, ничего не зависит.

С.К.: Да, сейчас от него зависят какие-то совершенно второстепенные вещи. Ну, он меня может уволить с работы. Когда я ехал, я подписал бумагу, что я отказываюсь от того чтобы мне месяц платили зарплату. В принципе, есть такое положение, что если это командировка, то тогда первый месяц платится зарплата.. Так вот, я от этого отказался

Е.Д.: Ну ты потерял 50 долларов. Слава богу, что меньше зависимым стал.

С.К.: Дело в том, что раньше он сам ездил довольно много и заведомо ездил больше любого из своих сотрудников. А сейчас он ездит мало, а некоторые

из его непосредственных сотрудников, в первую очередь я, тем только и занимаются, что торчат в Корнелле.

Е.Д.: Ну это, конечно, трудно пережить.

С.К.: Теперь его еще завалили на выборах в Академию, тоже беспрецедентный случай, он хотел в член-коры пройти, и отделение Экономике его избрало в членкоры, но его не утвердило общее собрание Академии наук.

Е.Д.: А за что, собственно, его утверждать.

С.К.: До сих пор это была абсолютная формальность. Я знаю там только один единственный прецедент, когда общее собрание чего то там не утвердило, я могу ошибиться, но по моему речь шла об избрании Бицадзе,

Е.Д.: Нет. Ну много было случаев, с Трапезниковым знаменитый случай. В старые времена, он был заведующий отделом науки ЦК, его провалили.

С.К.: Да, есть такая известная история, Но его именно завалило общее собрание Академии?

Е.Д.: Да, общее собрание.

С.К.: Ну значит такие случаи бывали. Тогда создавалось отделение Информатики, и разные люди туда были выдвинуты, в том числе Бицадзе

Е.Д.: Ну Бицадзе членкор давно.

С.К.: Нет, он именно избирался в академики. И вот кто то встал и сказал: « Я знаю Бицадзе прекрасный математик, но он избирается по отделению информатики. Назовите мне его вклад в теорию информатики». Во всяком случае, его математические заслуги под сомнение не ставились. Это был один такой выпад, никто больше этой темы не развивал, но в результате голосования он не прошел.

Е.Д.: Нет, ну это закрытое голосование, такие случаи были

С.К.: Возможно. Но это был первый случай, когда голосовали вместе с академиками еще и членкоры.

Е.Д.: А когда все это было

С.К.: А вот только что, весной.

С.К.: Значит, как я попал в Диалог, и что это такое. Сейчас расскажу. Это история, которая начинается, по моему, в 86 году. А корни у нее, пожалуй даже еще раньше, в каком ни будь году 77-м. Но они меня не касаются, а касаются они моего начальника. В 77 году мой начальник взял и пригласил в лабораторию товарища Енюкова, который был, по видимому, неплохим программистом и сделал при помощи сотрудников и при участии Айвазяна, скорее руководящем, пакет статистических программ. Это было нечто достаточно успешное, и начальник сообразил, что у него пропадают совершенно напрасно силы, есть какие-то теоретики, Кузнецов в их числе, которые непонятно чем занимаются, вот если бы их направить на то, чтобы программы писать, то можно бы сделали сейчас такие программы замечательные, только непонятно для кого, для чего и какие. Надо обдумать этот вопрос, посадить их всех программы писать, и все будет совершенно замечательно. А начальник мной в этот момент был сильно недоволен. Он мне дал защититься спокойно, а после этого по его понятиям от меня было толку, как от козла молока. Поэтому я ему не очень мог сказать нет. Может быть, надо было куда-то уходить в тот момент, но я не решился. В 86 году начальник объявил, что мы будем делать сразу шесть статистических пакетов по разным направлениям математической статистики. Один из них было предложено возглавить мне, а именно по временным рядам. Он считал, что все старшие сотрудники должны отвечает за какую-то тему. Кто-то за регрессионный анализ, кто-то за временные ряды, кто-то за кластер анализ и т.д.

Все темы прикладной направленности. Было предложено в очень короткий срок подготовить проект, как это должно выглядеть, что нужно включать туда, а что не надо. А потом, после того, как мы на эту тему высказались, нам сказали: ну теперь давайте делать. Делать, слава богу, как бы вроде было нужно не мне, а нужно было руководить какими то людьми, которых дадут, и они будут делать. С такой постановкой еще можно было в принципе согласиться, хотя на самом деле было ясно, что это будет трудно. Но тут появился и был даден мне некий молодой человек, которого я очень высоко потом оценил, Саша Халилеев.

Е.Д.: Откуда он появился?

С.К.: Он в этот момент только что кончил экономический факультет МГУ. На самом деле было так. Айвазян этого Сашу очень высоко ценил, он преподавал на экономическом факультете, и Сашу просто знал, знал чего он стоит. Я этого как раз не знал. Он его взял на работу, а когда дошло до распределения обязанностей, кому какой пакет делать, он Саше предложил выбирать, каким пакетом он готов заняться. А мы с Сашей к этому моменту успели познакомиться, и Саша сказал, что он хочет заниматься временными рядами с Кузнецовым. А спустя еще очень короткий срок, примерно полгода, мне стало ясно, что как бы не был прекрасен Саша, а он действительно прекрасный программист, очень высокого класса, и тогда был, а сейчас то уж и вообще, он один этого просто не сделает. Просто не сумеет по времени. Если мы хотим вообще сделать что то, а запал такой уже появился, что вот надо все таки сделать, а почему нет. Мы посмотрели что есть, вот все не то, надо делать другое. И я должен программировать тоже. И вот я сел за программирование. А Диалог появился немножко позже, он был создан при участии в том числе ЦЭМИ году в 88м, то есть почти через два года после начала этой деятельности. Благодаря его появлению у нас появилась другая техника, у нас появились хорошие компьютеры, на которых можно было по крайней мере что то делать, в отличие от предыдущего дерьма, на котором мы начинали. Появилось машинное время, появились дискеты, тогда все было проблемой. И с другой стороны появились какие-то правда очень мизерные но деньги дополнительные сверх зарплаты. А до того мы просто получали зарплату и считалось, что это и есть наша главная деятельность. И мы свой пакет сделали. Можно сказать, что мы это единственная группа, которая успешно завершила свою деятельность, из шести. Есть на самом деле еще вторая группа, которая тоже как-то преуспела, но она от нас ощутимо отстала, года на два. Остальное что-то осталось в зачаточном состоянии. После чего начальник меня любил, на некоторое время. Теперь опять не любит.

Е.Д.: Да, но навар был слабенький.

С.К.: Если говорить про материальный навар, это почти что ничего. Сейчас и говорить нечего, но тогда были другие деньги, Я получил, наверное, где то тысяч пять рублей,

Е.Д.: В долларах пожалуйста.

С.К.: В долларах по тому курсу надо делить на 10. т.е. 500-800 долларов. Ну, и за это я один раз съездил в Америку, один раз съездил во Францию.

Е.Д.: В общем выгоднее со мной иметь дело. А еще лучше иметь дело с самим собой.

С.К.: С самим собой, да.

Е.Д.: Моя роль в твоей поездке состоит в том, чтобы ты был самим собой.

С.К.: Это я понимаю. У меня была иллюзия ...

Е.Д.: была, ты сюда приезжал, я тебя не разубеждал.

С.К.: Я отдавал себе отчет, что мы сделали хорошую вещь. Это действительно была хорошая программа, для 89го года. Для нас это был совершенно ясный и совершенно четкий шаг вперед. Таких программ не было, ни здесь, ни там. А в 91 году она уже устарела. А в 94-ом она уже старомодна совершенно, безнадежно, хотя кое в чем ее все равно до сих пор никто не побил.

Е.Д.: Ну здесь маркетинг нужен.

С.К.: Это одна сторона дела, а вторая сторона дела заключается в том, что я понял, что в каком то смысле, я слишком стар для мира программирования. Меня убили в этом плане Windows. Когда выплыли на божий свет Windows, стало ясно, что теперь надо делать эту программу под Windows. Мой Саша любимый начал это делать. Я посмотрел то, что он там прочитал, посмотрел в первые его программы и первые файлы, которые он переделал с MsDos под Windows. Он мне просто показал, как это выглядит. Я посмотрел одним глазом и понял, что мне надо переучиваться абсолютно. Все, что я выучил, а я выучил довольно много, научился программировать с нуля, и программировать хорошо, с появлением Windows это все становится вчерашним днем. Мне надо переучиваться заново. Ну хорошо, а уйдут Windows, будет что то другое, и мне опять надо будет учить все заново, и я понял что это не для меня.

Е.Д.: Слава богу, что у тебя еще что-то за душой есть.

С.К.: Хотя Саша нашел себе в итоге работу.

Е.Д.: Он моложе.

С.К.: Да, он моложе, ему сейчас 31 год.

Е.Д.: Во-первых, он моложе, а во-вторых, у него нет другого.

С.К.: Другого у него нет, программирование это его основная специальность.

Е.Д.: Нет Халилеевских мер.

С.К.: Халилеевских мер нет, есть только Халилеевские программы.

Е.Д.: И то, кто знает Халилеевские программы – 20 человек?

С.К.: Как раз, я не сомневаюсь, что его программы знает большее количество людей, чем количество людей, которые знают, что такое меры Кузнецова.

Е.Д.: Не знаю, может быть ... ну дай ему Бог.

Е.Д.: Ну ладно, давай вернемся к твоей диссертации

С.К.: История начинается, пожалуй, с 79 года, когда мне удалось доказать, случайно в общем-то, теорему о существовании переходной функции. Когда защищается докторская, всё-таки важно чтобы (... результаты можно было объяснять не математикам ...) Это как раз результат был из таких..
Формулируется в две строчки, и его можно объяснить кому угодно.
Потом, там рядышком подоспело что-то похожее на переходную функцию для случайных полей. И спустя какое-то время, довольно короткое, я понял, в общем-то нету выбора. Если я вообще хочу защищаться, я должен защищаться на этом. Когда у меня еще будет результат, который можно объяснять широкой массе, просто неизвестно. Я доложил это на семинаре, начал потихонечку писать, написал, Причем сначала надо было это напечатать в каком-нибудь более солидном виде, не просто в виде маленьких статей, что-такое побольше. Опять же, чтобы соблюсти правила игры. Где это могли напечатать, мне было абсолютно непонятно. Айвазян посоветовал поговорить с Розановым, что я и сделал. И Розанов сказал, почему не напечатать это в Итогах Науки, в серии ВИНТИ. Ну, ВИНТИ так ВИНТИ. Я бы конечно предпочел какое-нибудь другое солидное место.

Е.Д.: Например, Теорию Вероятностей

С.К.: В смысле журнал Теория Вероятностей? Он не печатает статьи на 8 печатных листов. Скорее можно было бы говорить, чтобы это издать там как книжку. Но Розанов эту идею не поддержал никак, а я не решился спорить. Я написал это дело. Я долго писал, между прочим., потому что как всегда, надо было все там привести в порядок, согласовать, и на самом деле я написал плохо, как я сейчас понимаю. Не знаю, кто это может читать. Вот вы это можете читать, и я еще могу, ну а кто еще может читать, не очень ясно.

Е.Д.: Ну вот Гетур

С.К.: Гетур говорит, что он читал. Он действительно читал.

Е.Д.: Он говорит, что это трудно читать, но что это того стоит.

С.К.: Понятно. Что ж, очень лестный отзыв. Потом дело доходит до оформления акта экспертизы, есть такое понятие в России. Было в те годы. И сейчас на самом деле существует.

Е.Д.: Я думаю что нет, какие там акты экспертизы, когда самые большие государственные секреты идут просто на вынос.

С.К.: Не знаю. И потом, большие секреты может и идут, а маленькие секреты маленьким людям разглашать, наверное, все таки не дают. Математиков это уже очень давно не касается, поэтому я просто затрудняюсь сказать. Скажем так, пять лет назад совершенно точно все это было в силе.

Е.Д.: Ну, пять лет назад еще был Советский Союз

С.К.: Да, в Советском Союзе это все было в силе. До этого момента и после вашего отъезда я в основном выезжал на том что печатался в Теории Вероятностей. ТВ был очень приличный журнал в те годы, где никаких актов экспертизы не требовали. Почему - не знаю. Я там спакойненько печатался, и мне никто ничего не говорил, и я цитировал кого угодно и как угодно. ВИНТИ это место совершенно другое, им акт экспертизы было нужно подавать, обязательно. А акт экспертизы - это экспертная комиссия нашего института. И вот я приношу эту работу в экспертную комиссию нашего института, сидела там такая Нина Максимовна, секретарь, она открывает работу, переворачивает и тут же смотрит в список литературы.

Е.Д.: Что же она еще может понимать?

С.К.: Она больше ничего не понимает, но она знает список сотрудников, которые уехали из института. Из других институтов она не знает, а из нашего знает.

Е.Д.: Если бы ты Катка цитировал ... Нет, Катов тоже из вашего

С.К.: да Катов тоже из нашего. Если бы я Митягина цитировал, это она бы не заметила.

Е.Д.: И Катка тоже. Катка все цитировали. Почему то я пользовался особенной популярностью.

С.К.: Может быть. Трудно сказать. Скажем, экономистам, наверное, каких-нибудь экономистов нельзя было цитировать. Не знаю. Я могу говорить только о том, с чем сам лично имел дело. Ну вот эта Нина Максимовна говорит, что так не пойдет. Я говорю, что не могу ничего сделать. Она: я ничего не решаю, но не пойдет. Что делать? Надо идти к какому-то начальству. Высшая инстанция в рамках института - так называемый зам директора по режиму- был Николай Николаевич Братченко, бывший полковник КГБ или не КГБ, но на самом деле очень приличный человек. Я к нему пришел. Положил на стол свою работу, и говорю: вот как же так, вы мне запрещаете ссылаться, это значит что я даже не могу спорить, научные споры какие-то устраивать, как то так повернул. Ну он посмотрел, посмотрел и сказал: ладно, а чего, собственно говоря, все нормально.

Е.Д.: Ты со мной спорить собирался?

С.К.: Да, естественно.

Е.Д.: И о чем же спорить?

С.К.: Не знаю. Ну что-то же надо было сказать. Если бы я стоял на том, что продолжаю ваши работы, хочу продолжать ваши работы, вас здесь нет, а я хочу это делать, это бы не прошло. Скорее всего я занял такую оппортунистическую позицию, но по другому наверное не вышло бы. И он подписал мне акт экспертизы, правда заставив меня сделать совершенно нелепую вещь, это может быть даже и не он придумал. Мне было предложено из списка литературы убрать вашу фамилию, оставив ссылку на работу.

Е.Д.: Каким же образом?

С.К.: А вот таким. Скажем речь шла о статье в Успехах Мат. Наук. Так вот я должен был ссылаться не на вашу работу а на Успехи Мат Наук, такой-то номер, такого-то года, и такие-то страницы.

Е.Д.: Вообще, это так смешно. Как будто это важно было здесь.

С.К.: Я уж рассказываю, как было. Это 82-ой год. Брежнев еще в этот момент был жив. С этим я очень просто поступил. Я отнес все это, как мне велели в ВИНТИ, но тут же положил настоящий список литературы, где все было как надо. Там сидела тоже секретарь редакции, Валентина Петровна Сахарова. Она сказала, что мол за глупость. Один список, естественно, заменила другим и это пошло, как редакционное исправление, во всяком случае мне этого никто в вину не ставил. Спустя короткое время, я практически эту же работу подаю как диссертацию.

Е.Д.: А она уже напечатана была?

С.К.: В этот момент это было в печати но еще не вышло. Было некоторое запоздание. Это же часть некоторой книжки, это сборник. И там помимо моей работы, была еще одна, которая была сдана с опозданием где-то на год. Ну может на полгода. На большой срок. До тех пор пока та работа не представлялась, сборнику не давали хода. Причем мне было прямо сказано, что если те авторы своей статьи не представят, то сборник просто не выйдет. Я сделать тут абсолютно ничего не мог. Вот поэтому это вышло несколько позже, чем могло бы. После того как мне раза четыре, разные причем люди, я уж не помню кто, напомнили, что вот, ты мол собираешься диссертацию защищать, а ты акт экспертизы уже оформил? Я понял, что мне этого не миновать. Мне от института формально нужна была бумага о прохождении так называемой предзащиты в рамках института. Я не мог прийти в институт уже и сказать, а я тут защитился. Так не получалось. Все об этом знали и напоминали, что я это должен сделать. Ну что же делать, я несу свою диссертацию опять же к той же Нине Максимовне, она опять ее открывает и говорит: опять? А я уже предусмотрительно изготовил разные экземпляры диссертации и в одном из них уже список литературы был именно в том виде в котором он тогда был ими одобрен. И я им именно этот экземпляр и отдал. Она говорит, нет мол не пойдет.

Е.Д.: Опять не пойдет?

С.К.: Опять не пойдет. Говорю ну как же, в прошлой раз прошло вот так. – Ну идите наверх. Я иду наверх и выясняется что зам директора по режиму, вот этого Братченко, просто нету. Он куда-то уехал. Вместо него его замещает начальник первого отдела, не помню как его звали, но он был другого поколения, Братченко был лет на десять меня старше, ему было тогда лет сорок. А это человек пенсионного возраста, который дрожит за свое место с одной стороны, а с другой стороны еще и воспитан в другую пору. Никакого абсолютно риска и желания взять что-то на себя у него не было. Как скажут ему, так он и сделает. И опять я повторял всякие разные слова насчет научных споров, но это было абсолютно бессмысленно. Причем в эту историю влезли все кому не лень, и Фридман там участвовал, потом был такой Маренич. В общем разные люди читали и мусолили эту диссертацию, выискивали, как именно я упоминаю ваше имя.

Е.Д.: Жаль, что это было связано с моим именем. Если бы это зависело от меня, то не было бы никакой проблемы.

С.К.: Может быть и не было бы. Во всяком случае, было бы много меньше. В конце концов, там было какое-то партийное собрание. И вот, в ходе этого партийного собрания этот вопрос тоже обсуждался в кулуарах. Начальство всякое собралось, обсуждало - не знаем, как быть, и кто-то, может быть Маренич, а может кто-то еще, сказал, а почему бы нам не спросить мнение товарища из ЦК. А дело в том, что за институтом закреплен был специальный инструктор ЦК, которые его курировал, из отдела науки ЦК. Он, естественно, на всех партийных собраниях присутствовал, в том числе был и на этом, и кто-то сказал - почему бы нам его не спросить, что он думает. И вопрос передали инструктору - его фамилия была Иванов. Я это знаю со слов Айвазяна. Вопрос задали этому Иванову, и он сказал, что должен посоветоваться. Я не знаю что бы я делал, если бы все повернулись неблагоприятным для меня образом. Но неожиданно этот Иванов через пару дней позвонил и сказал, что пусть защищается. Я пришел на заседание экспертной комиссии, меня туда пригласили, и неожиданно для себя услышал совершенно другие вещи, что вообще официально можно ссылаться на все, что есть в Ленинской библиотеке в открытом доступе. Еще есть и закрытый доступ, вот туда нельзя. Вы, мол, пойдите и проверьте в Ленинской библиотеке, что это есть в открытом доступе, и тогда пожалуйста. Я не ходил. Но я там перечисляю в начале, людей, которые вообще занимались Марковскими процессами. Естественно, список этот открывала ваша

фамилия. Вот это меня заставили зачеркнуть, причем я расписался на каждой строчке, где произошли какие-то вычеркивания. У меня этот экземпляр диссертации забрали и заперли в первом отделе.

Е.Д.: Интересно, если бы ты его привез в подарок.

С.К.: А он там где-то существует. Три года спустя, когда это уже стало никому не интересно, они мне его отдали.

Е.Д.: Привез, подарил бы.

С.К.: Надо посмотреть, есть ли он у меня дома.

Е.Д.: Буду показывать, исторический документ.

С.К.: Потом, кстати, Скороход мне все это поставил в вину. Когда я уже дошел до защиты, он прочел и сказал что за безобразие, и хотел устроить мне разнос, но когда дошло до выяснения отношений, я ему рассказал, как все это было, и он сказал, что даже не подозревал, что существует такое понятие, как акт экспертизы на диссертацию. Как же, говорю не существует, когда у меня просто экземпляр забрали и он лежит в сейфе первого отдела. Он просто не стал зачитывать, это у него в отзыве написано было, но он не стал этого зачитывать вслух. Я защитился, и меня быстренько утвердили, это уже благодаря Розанову. Он этому содействовал. Вот такая история.